

Искусство кино в системе построения стадияльной модели идентичности

В.А. Колотаев

доктор филологических наук, доцент

Рассматриваются процессы формирования стадияльной модели идентичности в художественном пространстве кинематографа, которое обладает моделирующей функцией, способностью создавать новые типы идентичности, влиять на процессы становления личности и видоизменять социальные отношения. Производство экранного искусства отражает внутренние изменения идентичности и предлагает субъектам культуры приемлемые модели поведения для отождествления с ними в повседневности. На основе анализа фильмов выделяются четыре стадии развития идентичности и раскрываются их основные характеристики. Структура и процесс построения идентичности рассматриваются как результат взаимодействия с культурой. Конфигурация идентичности зависит от сложившейся системы культуры. Подвергаются пересмотру понятия «культура 1» и «культура 2», вводятся такие, как «культура продукта» и «культура конфликта».

Постановка проблемы

Сравнительно недавно феномен идентичности стал предметом пристального внимания философов, социальных психологов, социологов, культурологов, искусствоведов, этнографов, историков и даже экономистов. Объем исследований, посвященных разным аспектам идентичности, практически необозрим. Нельзя сказать, что про идентичность начали писать только в XX веке. Философы прошлого размышляли над проблемами тождества индивида самому себе не меньше, чем наши современники. Чего стоит хотя бы диалог Платона «Кратил»!

Однако сейчас социальные перемены происходят настолько бурно, что человек вынужден самостоятельно вписывать себя в меняющийся ландшафт окружающей реальности, постоянно перекраивать карту своей идентичности, находить способы так или иначе обозначать свое присутствие в этом мире или гово-

рить посредством искусства о нечеткости границ своего «Я», о сложности самоопределения. Раньше проблемы решались едва ли не автоматически социокультурными механизмами идентификации, наделяющими каждого члена общества полагающейся ему идентичностью (см. Бергер, Лукман, 1995: 265). Очевидно, потому что ситуация резко изменилась в XX веке (свою идентичность теперь необходимо осознавать и создавать, рассчитывая на собственные силы), проблемы формирования идентичности приобрели чрезвычайную актуальность.

В статьях и монографиях активно обсуждаются вопросы построения гендерной, коллективной и индивидуальной, этнической, профессиональной, культурной, социальной, цивилизационной, экономической, групповой, возрастной, подростковой и многих других идентичностей. При этом подразумевается, что сама структура процесса соотнесения индивида с социальными феноменами во всех случаях одна и та же. Как бы по умолчанию предполагается, что она имеет универсальную, открытую Э.Г. Эриксоном, природу и воспроизводится с телеологической заданностью на любом материале. Говорят ли авторы о кризисе индивидуальной и коллективной идентичности, о проблемах этнической идентичности, о врожденной или приобретенной идентичности, о моделировании субъекта идентичности в романе XVIII века (Кон, 1984), об отношении субъекта идентичности к другому, о проблемах гендерной идентичности, везде предполагается, что процессы протекают по сходным правилам, которые, в свою очередь, вытекают из логики индивидуального развития личности. Ожидается, что мигранты, вынужденные переселенцы, уволенные в запас военнослужащие, учителя средних школ, узбеки, живущие в Москве, или русские, живущие в Лондоне, переживают сходные проблемы с идентичностью. Вместе с тем есть основания считать, что эти процессы и структуры идентичности различны.

Часто не принимаются в расчет не только стадияльный и процессуальный характеры идентичности, но и то, что ее конфигурации определяющим образом зависят от сложившегося типа культуры, что структуры идентичности культурно мотивированы и формируются в результате взаимодействия с культурой. Определенные типы культур через систему своих агентов и посредников, главным из которых по-прежнему остается искусство, поддерживают или, напротив, относятся отрицательно к той или иной форме идентичности, к тому или иному способу самоопределения и поведенческой активности субъекта. Собственно, о том, что идентичность детерминирована социокуль-

турной средой, писали многие (Эриксон, 1996, 1996а; Бергер и Лукман, 1995: 279; Goffman, 1959; Ставропольский, 2003). Но целостного представления о закономерностях процесса образования структур идентичности в контексте взаимодействия с культурными формами пока еще нет. При достаточно высокой степени изученности проблем идентичности в настоящее время, пожалуй, нет и единой целостной концепции, объясняющей зависимость особенностей формирования идентичности от состояния культуры, от уровня ее развития. Есть основание предположить, что тип идентичности, поддерживаемый данной культурой, соответствует стадиям развития в онтогенезе.

Далее мы попытаемся показать, что кинематограф представляет собой образную среду, которая отражает внутренние закономерности становления идентичности и дает субъектам культуры приемлемые модели поведения для отождествления с ними. Снятие проблем самоопределения достигается в таком случае за счет идентификации с экранными образами. В дальнейшем принятые и усвоенные формы воспроизводятся в повседневной жизни.

Определение идентичности

Что же такое идентичность? На этот вопрос существует огромное количество ответов, которые пытались дать, начиная с Эриксона (1902–1994), представители самых разных наук. В самом общем смысле под идентичностью понимают способность человека к осознанию себя в системе социальных категорий. Идентичность это и свойство личности, и важнейшая потребность, без удовлетворения которой человек не может жить, и функция, направленная на синтезирование своего «Я», и многое другое. Тот или иной тип идентичности проявляется в поведении человека, в различных способах представления себя другим (Гоффман, 2000), в коллективной или индивидуальной творческой активности. Творчество – главный ресурс идентичности.

При всем многообразии подходов к определению идентичности сложился основной корпус текстов, вокруг которых строится современная дискуссия (Moscovici 1988; Goffman, 1959; Marcia, 1967, 1970; Tajfel 1979; Turner, 1985). Большинство авторов признают, что основу теоретическим и практическим исследованиям процессов формирования идентичности заложили труды Э.Г. Эриксона, с именем которого связаны невероятная востребованность и повсеместная распространенность этого термина. Эриксон рассматривал искусство, устное народное творчество, обряды и ритуалы, литературу, спортивные игры и медиа как среду, отражающую различные состояния идентичности человека

индустриальной эпохи. Он создал стадиальную модель развития личности. На нее в основном мы опирались при разработке собственной системы представлений о циклах развития идентичности в культуре. В течение всей своей научной карьеры Эриксон предпринимал попытки дать исчерпывающее определение идентичности. Ее он толкует как «осознание того, что синтезирование Эго обеспечивается тождеством самому себе и что стиль индивидуальности совпадает с тождеством и непрерывностью того значения, которое придается значимым другим в непосредственном окружении» (Эриксон, 1996: 26).

Это, надо признать, не самое удачное определение, если таковое вообще возможно. Хотя оно отражает процессуальный характер синтезирования Эго и подчеркивает роль значимого Другого в деле построения идентичности, т.е. установлении тождества самому себе. К сожалению, оно не указывает на изменяющийся характер отношений с Другим, которые всякий раз трансформируются после того, как индивид осваивает новый цикл идентичности. В зависимости от типа культуры эти отношения вообще могут оставаться принципиально неизменными. Так, например, в средневековом обществе проблем с идентичностью не было, так как «на каждого индивида ложится примерно один и тот же вес всей силы институционального порядка... Вопрос: «Кто я такой?» – вряд ли возникает в сознании, поскольку социально предопределенный ответ массивно реален, субъективно и постоянно подтверждается всей социально значимой интеракцией» (Бергер, Лукман, 1995: 265). Потребовались революционные изменения эпохи Возрождения, прежде чем начали осознаваться проблемы идентичности и важность значимого Другого в процессе формирования субъекта культуры.

В современных определениях идентичности учитывается, что это «целостное динамичное образование, выступающее в качестве системы ключевых социальных конструкторов личности. Она активно конструируется субъектом, оказавшимся в ситуации пересмотра своего места в социальной среде, в ходе взаимодействия, социального сравнения и является когнитивно-мотивационным основанием восприятия индивидом новых социальных ценностей» (Иванова, 2006: 21). И здесь автор упускает важнейшее основание идентичности – ее культурно обусловленный характер. Складывается обманчивое впечатление, что эпигенез (внутреннее развитие структур идентичности по универсальному плану) даровал человеку способность конструировать свою идентичность, пересматривать социальные ценности и свое место в обществе. В то время как, например, полевые исследова-

ния А.Р. Лурии показали, что в ряде традиционных обществ сама потребность в пересмотре и конструировании своей идентичности у индивидов отсутствует (Лурия, 1974: С. 141–142). Для целей нашего исследования важным представляется то, что, по Эриксону, идентичность субъекта культуры эволюционирует, развивается от примитивного состояния неосознанного отождествления с социальными феноменами до способности самостоятельно конструировать образ себя, свое Эго, и умения осознанно выбирать ту или иную, адекватную индивидуальным потребностям, модель идентичности. Здесь как раз необходимо помнить о том, что структуры идентичности обусловлены культурой.

Каждому этапу развития идентичности в онтогенезе соответствует определенный тип и способ отождествления с социокультурным феноменом (именем, полом, возрастом, местом, национальностью, гражданством, социальной ролью и т.п.). На каждой стадии формирования личности образуется та или иная конфигурация идентичности (я есть тот, каким меня видит мама, я тот, кто умеет что-то делать, я тот, кем меня воспринимают друзья, и т.д.). В начале жизненного пути личность имеет ограниченные возможности выбора из того, с чем ей отождествляться или не отождествляться. Более того, изначально человек не может повлиять на содержание идентификационного меню. Социокультурная среда предлагает только те маркеры идентичности, что есть в ее распоряжении. На раннем этапе развития рамки идентичности достаточно жестко заданы внешними условиями. Однако, как показал Эриксон и многие его последователи, достигая определенного возраста и уровня рефлексии, личность начинает осознавать, что момент определения идентичности не является окончательным пунктом пути, а лишь открывает дальнейшие перспективы преодоления сложившихся моделей самосознания. Далее процесс развития личности предполагает выход за пределы сложившейся конфигурации идентичности, творческий поиск себя, конструирование своего Эго. Если, конечно, такого рода творчество находит отклик в обществе, поддерживается культурой. Далее попытаемся выделить стадии развития идентичности.

Стадиальная модель идентичности. Протоидентичность

Протоидентичность в онтогенезе соответствует сенсомоторной стадии развития когнитивных способностей личности, по Пиаже. В этот период формируются представления о постоянстве объектов. На стадии протоидентичности процессы взаимодействия и логические процедуры объяснения окружающей дей-

ствительности осуществляются посредством знаковой системы, имеющей индексальную природу. На стадии протоидентичности человек «живет знаками». Слово здесь нераздельно сосуществует с объектом, оно его вводит в реальность.

У индивидов, находящихся на стадии протоидентичности, не развито стремление критически осмысливать незыблемость существующего порядка. Никто не выходит за пределы сложившейся системы представлений не потому, что его за это накажут, не из-за страха, а потому, что в таком состоянии душевной организации субъекту протоидентичности не придет в голову мысль о нарушении норм или о каком-либо отклонении от общепринятого «естественного» строя. Выход за пределы невозможен просто потому, что идти некуда, за пределами протоидентичности ничего нет. Образ себя и окружающего мира воспринимается как абсолютная данность. Ничто не ставится под сомнение и не вызывает каких-либо вопросов, оценочных суждений или какого-либо отношения к этой данности – имени, полу, гражданству, возрасту, этнической принадлежности, роду профессиональной деятельности и т.д. Так есть, а почему именно так? Плохо это или хорошо? Можно ли что-либо изменить или нет? Как относиться к тому, что есть? Такого рода вопросы на стадии протоидентичности не возникают. Индивид пребывает в специфическом мире абсолютных истин. Он ни к чему не выражает никакого отношения и не осознает свои желания.

Важно рассматривать протоидентичность не только как начальный этап в становлении персональной идентичности, который впоследствии преодолевается при переходе на более высокий, зрелый уровень развития личности. Было бы неправильно считать, что человек, становясь взрослее, опытнее, умнее, образованнее, оставляет в прошлом переживания протоидентичности. В любом возрасте и с любым багажом знаний личность может оказаться в ситуации, когда он (или она) вновь окажется в состоянии протоидентичности, когда идентичность не осознается. Протоидентичность проявляется в формальной ситуации заполнения анкеты, где нужно автоматически отвечать на вопросы, указывать пол, возраст, гражданство, место рождения и т.д. Или, например, когда житель мегаполиса пользуется электронными маркерами идентификации: транспортными и банковскими карточками, ИНН или другими средствами определения его платежеспособности и социального статуса. Известный этнограф Марк Оже (Marc Auge) ввел понятие «ничейные пространства» (фр. non-lieux) для определения состояния субъекта информационной культуры, находящегося в процессе непрерыв-